

Научная статья
УДК 343.1:347.9
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-3-260-265>

Значение подсудности в уголовном и цивилистическом процессе

Шарипова Алия Рашитовна

Институт права Уфимского университета науки и технологий, Уфа, Россия, nord-wind23@mail.ru

Аннотация. Рассмотрено соотношение процессуального и судоустройственного значения подсудности, а также ее обусловленности критериями процессуального и судоустройственного характера. Определено преимущественно техническое значение института подсудности для процессуальных отраслей права. Приведены примеры манипулирования подсудностью в сфере арбитражного, гражданского, уголовного судопроизводства. Аргументирован отказ от альтернативной подсудности в уголовном процессе. Сделан вывод о неотнесении нарушения правил подсудности к числу безусловных оснований отмены судебных решений.

Ключевые слова: подсудность, уголовный процесс, арбитражный процесс, гражданский процесс, подведомственность

Для цитирования: Шарипова А. Р. Значение подсудности в уголовном и цивилистическом процессе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 3 (67). С. 260–265. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-3-260-265>.

Original article

The importance of jurisdiction in criminal and civil procedure

Aliya R. Sharipova

Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation, nord-wind23@mail.ru

Abstract. The relationship between the procedural and judicial significance of jurisdiction, as well as its conditionality by criteria of a procedural and judicial nature, is considered. The predominantly technical significance of the institution of jurisdiction for procedural branches of law is determined. Examples of manipulation of jurisdiction in the field of arbitration, civil, and criminal proceedings are given. The refusal of alternative jurisdiction in criminal proceedings is justified. It is concluded that violation of the rules of jurisdiction is not considered an absolute basis for the reversal of court decisions.

Keywords: jurisdiction, criminal process, arbitration process, civil process, venue

For citation: Sharipova A. R. The importance of jurisdiction in criminal and civil procedure. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 3 (67), pp. 260–265. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-3-260-265>.

© Шарипова А. Р., 2024

Полагаем, что основная содержательная нагрузка процессуального института подсудности — судоустройственная, а не процессуальная. Понятно, что правильное определение подсудности как по уровню суда в судебной системе, так и по территориальному признаку имеет исключительное процессуальное значение. Однако изначальная государственная потребность заключается в том, чтобы распределить весь имеющийся объем уголовных дел (и ради справедливости, не только уголовных, но и всех остальных) между массой функционирующих в стране судов. И при этом суды создавались не всегда ради применения действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ); в какой-то степени судебная система формируется под влиянием политических процессов, а не только правовых. Это означает, что, распределяя уголовные дела по предметному критерию между судами первой инстанции, законодатель руководствуется не только «видимыми» критериями типа общественной опасности деяний, но и неочевидными, например потребностью обеспечивать относительную равномерность нагрузки на суды.

Кроме того, воздействие каких-то неочевидных факторов (среди которых есть абсолютно ситуативные, например, необходимость выведения из подсудности мировых судей уголовных дел о преступлениях с административной преюдицией, если соответствующие административные правонарушения относятся к подсудности мировых судей [1]) приводит иногда к неожиданным законодательным решениям по предметной подсудности.

Подсудность как процессуальное понятие продиктована судоустройственными реалиями. Если бы в России был только один вид судов первой инстанции, рассматривающих уголовные дела, — зачем была бы нужна предметная подсудность? Между тем это не абсолютно фантастическое предположение, а реальность маленьких государств.

Идеи, по которым исторически создавались какие-то суды первой инстанции (мировые суды, «возрожденные» в современной России после перерыва в 70 лет), могут уходить в прошлое (еще один пример — военные суды с гражданскими судьями), а сами суды остаются, и их нужно обеспечивать работой. Иными словами, подсудность — не ценностный, а во многом технический институт. Кроме того, в распределении предметной подсудности между разными судами общей юрисдикции нет значимой существенной подоплеки. Уголовные дела о каких-то

преступлениях (по мере возрастания общественной опасности) распределены между мировыми судьями, районными и областными судами не потому, что пропорционально важности дела возрастает квалификация судей, а потому, что так решил законодатель. В самом деле, квалификационные требования для мировых судей и судей районных и областных судов одинаковые, хотя Ю. А. Цветков и называет «мировую юстицию школой для федеральных судей» [2, с. 283], что фактически сегодня так и есть. Другое дело, что «в комплекте» с подсудностью мировому судье гарантированно идет единоличная апелляция на его решения, а с недавнего времени и кассация.

Осознаем, что посыл о преимущественно техническом значении института подсудности звучит странно, поскольку исключительную его важность в научных и правоприменительных источниках принято обосновывать со ссылкой на статью 47 Конституции Российской Федерации.

В реальности существования перспективы рассмотрения уголовного дела в первой инстанции мировым судьей, районным судом, областным судом, гарнизонным судом, окружным военным судом, судом в Москве или судом на Дальнем Востоке, конечно же, принципиально важно, чтобы выбор из множества вариантов был предсказуемым и желательным безальтернативным по той же причине. В абстрактной модели одинаково независимых и доступных судов не имеет значения, какой из них будет рассматривать каждое конкретное дело; в реальности возможностей злоупотребления и отсутствия беспристрастности значение имеет то, чтобы никто не мог влиять на распределение дел между судами в отношении конкретных дел. Ситуация с подсудностью в чем-то напоминает ситуацию с автоматизированным распределением дел между судьями: каждому в отдельности судье государство доверяет, но выбирать между ними нельзя. Ниже рассмотрим вопрос о манипулировании подсудностью как о частном случае злоупотребления правом.

Манипулирование подсудностью

Обсуждение вопросов злоупотребления с выбором подсудности довольно регулярно происходит в науке цивилистического процесса. Новейшая практика Верховного Суда Российской Федерации, в том числе определение, посвященное решению вопроса с искусственным изменением подсудности, тоже связана с гражданскими, арбитражными или административными делами. Объективная причина

значительно меньшего интереса к злоупотреблениям при определении подсудности в уголовно-процессуальной науке связана с тем, что УПК РФ содержит гораздо меньше случаев альтернативной или договорной подсудности.

Самый обсуждаемый в последнее время цивилистический вариант «злонамеренного» изменения подсудности связан с искусственным введением в спорные правоотношения подконтрольного истцу поручителя. Этот поручитель указывается как один из ответчиков (наряду с «настоящим») и согласно части 1 статьи 31 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ), части 2 статьи 36 Административно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ) истец выбирает территориальную подсудность по месту нахождения любого из ответчиков. На практике обращают на себя внимание споры, когда подобный «поручитель» находится в регионе истца или близком к нему и отдаленном от ответчика. В одном из таких случаев, заслужившем рассмотрение в Верховном Суде Российской Федерации, истец находился в г. Уфе, ответчик — в Приморском крае, а «поручитель» в Москве [3]. Суд пришел к выводу, что второй ответчик заявлен ради изменения территориальной подсудности, а оно, в свою очередь, — ради усложнения для первого ответчика личного участия в деле [4].

Широко известны способы изменения гражданской процессуальной подсудности с мирового судьи на районный суд через завышение исковых требований; изменение компетенции (ранее подведомственности) по иску в арбитражный суд и суд общей юрисдикции через введение/устранение физических и юридических лиц в состав участников спора.

В арбитражной практике сформировались некоторые общие установки применительно к оценке доводов о подсудности. Например, ответчики, изначально ставящие под сомнение подсудность спора конкретному суду, берегут этот аргумент до вынесения итогового судебного акта с тем, чтобы в случае проигрыша дела заявить его при обжаловании. В случае же вынесения решения в их пользу довод о подсудности они не заявляют. В связи с тем, что такая уловка стала относительно часто применяться, суды, согласно пункту 56 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 года № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» принимают

довод о подсудности при обжаловании судебного акта только в том случае, если он заявлялся в суде первой инстанции.

Все приведенные цивилистические примеры призваны продемонстрировать то, что манипулирование подсудностью сторонами судебного спора в практике известно, относительно распространено и оценено по сути [5, 6].

Мы полагаем, что похожие процессы могут происходить и в уголовном судопроизводстве, однако менее явно. В литературе верно подчеркивается ощутимое влияние на реализацию многих уголовно-процессуальных институтов стереотипов профессионального правосознания, формирующихся под воздействием ведомственных и иных корпоративных интересов [7]. Касается это и института подсудности.

Из личной практики автору известны достаточно многочисленные случаи изменения подсудственности и поднадзорности уголовных дел, некоторая, меньшая, часть которых приводила к изменению подсудности. Эти случаи связаны с ведомственными интересами прокуратуры и следственных органов: 1) стремление учесть в собственных отчетных показателях, а не передавать по подсудности фактически расследованное преступление, когда выяснилось, что оно окончено в другом районе и т. п.; 2) стремление к более быстрому расследованию силами Следственного комитета Российской Федерации (далее — СК РФ) вместо органов внутренних дел и формальная квалификация фактически отсутствующего деяния, подпадающего под подсудность СК РФ с последующим исключением его из обвинения; 3) передача расследования из территориального отдела СК РФ в особый по критерию особой важности и др. В большинстве этих случаев само по себе изменение подсудственности или подсудности не вызвало процессуальных возражений со стороны защиты, поскольку практически никак реально не влияло на ее права.

Но нужно понимать, что в руках следователя и прокурора находится квалификация деяния, и если нам известны случаи злоупотребления правом на квалификацию (при возбуждении уголовного дела, предъявлении обвинения и т. д.) ради избрания мер пресечения [8], например, то точно так же они возможны и для изменения подсудности. Игра с квалификацией применительно к подсудности может лишить обвиняемого права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей или перенести уголовное дело в военный суд.

Споры о подсудности

Итак, мы установили существование двух удаленных друг от друга крайностей: разрешение дел в соответствии с установленной законом подсудностью и манипулирование подсудностью как разновидность злоупотребления правом. В промежутке между ними находятся, по нашему мнению, спорные ситуации, когда в силу каких-то причин (установленных законом либо, наоборот, в силу пробела в законе) возникает альтернативная подсудность. Так, в диссертации С. В. Бехало подробно проанализированы предусмотренные и не предусмотренные законом случаи изменения территориальной подсудности уголовных дел, причем не только в первой инстанции, но и в апелляционной, и кассационной, они подразделены на безусловные и условные, выделены спорные ситуации и т. д. [9].

В этой же работе приведено множество примеров отмен судебных решений по основанию нарушения правил предметной, персональной и даже территориальной подсудности. С одной стороны, совершенно понятно, что это основание для отмены приговора или другого решения, поскольку соответствующие правила определенно названы в УПК РФ. С другой стороны, хочется рассмотреть эту проблему чуть шире позитивизма. И снова наши аргументы находят дополнительную опору в других процессуальных отраслях.

В статье Л. Тереховой с говорящим названием «Фетишизация правил подсудности в гражданском судопроизводстве» делается вывод о чрезмерном преувеличении роли родовой подсудности [10]. Приводятся примеры, когда суд предпочитает отказать в защите права, чем нарушить правило о подсудности, когда отменяются верные по сути судебные акты при отсутствии возражений сторон относительно подсудности.

Мы солидарны с негативной оценкой этого явления и полагаем, что у подсудности нет никакой сакральной составляющей. Ее назначение, как указывает Л. Терехова, в регулировании нагрузки судов, быстром определении конкретного суда для конкретного дела и обеспечении состязательности и равноправия сторон. И если состязательность и равноправие не пострадали, если нет оснований для вывода, что кто-то намеренно манипулировал подсудностью с тем, чтобы сделать невозможным или затруднительным для своего процессуального оппонента реализацию его процессуальных прав, то в каждом ли случае принципиально важно, какой именно суд вынес решение?

Более или менее толерантно практика воспринимает изменение (в том числе ошибочное) территориальной подсудности, но свято защищает подсудность предметную. Однако какая конкретно процессуальная ценность страдает, если уголовное дело вместо мирового судьи рассмотрел районный суд? Сплошь и рядом районные суды выносят приговоры по части 1 статьи 158 УК РФ, когда лицо обвинялось по части 2 статьи 158 УК РФ; тогда почему они не могут рассмотреть уголовное дело по обвинению по части 1 статьи 158 УК РФ? Понятно, что в противоположную сторону эта логика не работает, и этому как раз есть объяснение: если мировые судьи в соответствии со ст. 31 УПК РФ не рассматривают дела, например по обвинению по статье 109 УК РФ, то они к ним и не попадут ни при каких обстоятельствах.

Еще одну аналогию для демонстрации технической составляющей института подсудности можно провести с автоматизированным распределением дел между судьями. Это такой же способ формирования законного состава суда, как и соблюдение правил подсудности. Если после вынесения судебного акта будет установлено, что дело было распределено к конкретному судье, минуя автоматизированную систему, будет ли это само по себе основанием для отмены решения? Думается, что нет.

В статье 330 ГПК РФ содержится правило, подходящее, как нам кажется, для этих ситуаций в любой из процессуальных отраслей: верное по существу решение не может быть отменено по одним только формальным соображениям. Нельзя же, например, ссылаться на то, что сторона не была надлежаще извещена о времени и месте рассмотрения дела, даже если это так в том случае, когда фактически она присутствовала на судебном заседании.

Интересная интерпретация права на рассмотрение дела судом, к подсудности которого оно отнесено законом, дала О. Н. Шеменева: это «именно ПРАВО заинтересованных в этом лиц, реализация которого зависит от их своевременного проявленной инициативы. И со стороны государства не всегда целесообразно принимать активные действия для его осуществления во что бы то ни стало» [11].

Исходя из того, что территориальная подсудность в первую очередь нужна для того, чтобы суд был доступен сторонам в территориальном смысле, не нужно отменять решение, вынесенное судом с ошибкой в определении территориальной подсудности, если участники дела не были лишены возможности личного участия

и фактически присутствовали на судебных заседаниях? В противном случае средство достижения доступности правосудия (территориальная подсудность) начинает довлеть над целью.

Отказ от альтернативной или договорной подсудности в уголовном процессе

Арбитражный, гражданский и даже административный процессы гораздо более диспозитивны в сравнении с уголовным в решении вопросов о подсудности. Единственно отчетливо диспозитивный случай предусмотрен в части 3 статьи 32 УПК РФ: если преступления совершены в разных местах, то уголовное дело рассматривается судом, юрисдикция которого распространяется на то место, где совершено большинство расследованных по данному уголовному делу преступлений или совершено наиболее тяжкое из них. В случае, когда преступлений несколько, фактически прокурор самостоятельно решает, в какой суд направить дело — по большинству преступлений или по наиболее тяжкому. Такая альтернативная подсудность критикуется, причем с указанием не на реальное нарушение права на рассмотрение дела компетентным судом, а на создание у стороны защиты предубеждения об отсутствии беспристрастности у суда [12, с. 834].

Напротив, усмотрение истца при выборе суда, в который он обратится с иском в цивилистической науке считается элементом его стратегии, распространяясь не только на подсудность, но и на компетенцию: «возможно, что лицо отказалось бы от обращения в суд, зная, что его отправят судиться, например, из арбитражных судов в суды общей юрисдикции».

Поскольку в отечественном уголовном процессе целесообразность обращения в суд по расследованному уголовному делу в отношении живого обвиняемого не находится в области усмотрения прокурора, а является его обязанностью, которую он исполняет в публичном интересе, то ему по большому счету должно быть «все равно», в каком суде будет рассмотрено дело. И чтобы избежать упреков в нарушении принципа состязательности, желательно, чтобы в законе не было установлено альтернативной подсудности по уголовным делам. Де-факто все равно всегда будет за счет случаев, не урегулированных в законе.

Резюмируем сказанное: определение подсудности не должно становиться еще одним «делом» внутри уголовного дела. При отсутствии сведений о намеренных манипуляциях

с подсудностью, повлекших или могущих повлечь ограничение прав сторон в деле, ее значение не предопределяет и не препятствует справедливому разрешению дела.

Сформулируем следующие итоговые выводы:

1. При преимущественном судеустройственном значении института подсудности уголовных дел в нем можно выявить и сугубо процессуальный аспект, связанный с обеспечением компетентного состава суда и справедливой процедуры судебного разбирательства для сторон в уголовном процессе.

2. Практике известны случаи намеренных манипуляций с подсудностью со стороны носителей процессуальных прав и, как правило, наделенных властными полномочиями, влекущих ограничение прав участников процесса, как правило, со стороны защиты.

3. В случае объективно правильного разрешения уголовного дела по существу и при отсутствии сведений о намеренных манипуляциях с подсудностью со стороны управомоченных участников процесса с целью ущемления прав и законных интересов других участников процесса нарушение правил о подсудности само по себе не должно влечь отмены судебного решения именно по этому основанию.

Список источников

1. Торговченков В. И. Изменение подсудности некоторых уголовных дел требует изменения процедуры их возбуждения и рассмотрения // Законность. 2019. № 6. С. 31–32.
2. Цветков Ю. А. Игры, в которые играют судьи. Деконструкция правосудия и судебной деятельности в парадигме правового реализма: монография. Москва: ЮНИТИ-ДАНА. 2023. 383 с.
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2021 года № 305-ЭС20-23627 по делу № А40-161067/2020 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.06.2024).
4. Фокин Е. А. Искусственное изменение подсудности: диспозитивность или злоупотребление? Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2021 года № 305-ЭС20-23627 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 2. С. 17–35.
5. Володарский Д. Б., Кашкарова И. Н. Процессуальный эстоппель в практике российских судов (эмпирический анализ) // Вестник гражданского процесса. 2019. № 5. С. 61–110.
6. Решетникова И. В. Право на компетентный суд: формирование состава суда, подсудность дела // Закон. 2021. № 7. С. 61–69.

7. Тарасов А. А. Стереотипы корпоративного правосознания в контексте анализа некоторых уголовно-процессуальных институтов // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 1 (67). С.132–146.

8. Марковичева Е. В. Критерии определения предпринимательской деятельности при применении части 1.1 статьи 108 УПК РФ // Уголовное право. 2015. № 5. С. 135–137.

9. Бехало С. В. Подсудность в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2024. 246 с.

10. Терехова Л. Фетишизация правил подсудности в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 6.

11. Шеменова О.Н. Последствия несоблюдения правил подсудности: конституционный аспект // Российский судья. 2014. № 4. С. 38–41.

12. Курс уголовного процесса / А. А. Арутюнян, Л. В. Брусницын, О. Л. Васильев [и др.]; под ред. Л. В. Головки. Москва: Статут, 2017. 1278 с.

References

1. Torgovchenkov V. I. Changing the jurisdiction of some criminal cases requires changing the procedure for their initiation and consideration. *Legality*, 2019, no. 6, pp. 31–32. (In Russ.)

2. Tsvetkov Yu. A. Games played by judges. Deconstruction of justice and judicial activity in the paradigm of legal realism: monograph. Moscow: UNITY-DANA Publ., 2023. 383 p. (In Russ.)

3. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation no. 305-ES20-23627 in case no. A40-161067/2020 dated April 22, 2021. (In Russ.)

4. Fokin E. A. Artificial change of jurisdiction: discretion or abuse? Commentary on the Determination of the Judicial Collegium on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation no. 305-ES20-23627 dated April 22, 2021. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*, 2022, no. 2, pp. 17–35. (In Russ.)

5. Volodarsky D. B., Kashkarova I. N. Procedural estoppel in the practice of Russian courts (empirical analysis). *Bulletin of Civil Procedure*, 2019, no. 5, pp. 61–110. (In Russ.)

6. Reshetnikova I. V. The right to a competent court: formation of the court, jurisdiction of the case. *Law*, 2021, no. 7, pp. 61–69. (In Russ.)

7. Tarasov A. A. Stereotypes of corporate legal consciousness in the context of the analysis of some criminal procedural institutions. *Rule of law: theory and practice*, 2022, no. 1 (67), pp. 132–146. (In Russ.)

8. Markovicheva E. V. Criteria for determining entrepreneurial activity when applying part 1.1 of art. 108 Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. *Criminal law*, 2015, no. 5, pp. 135–137. (In Russ.)

9. Bekhalo S. V. Jurisdiction in Russian criminal proceedings. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2024. 246 p. (In Russ.)

10. Terekhova L. Fetishization of the rules of jurisdiction in civil proceedings. *Arbitration and civil process*, 2009, no. 6. (In Russ.)

11. Shemenova O. N. Consequences of non-compliance with the rules of jurisdiction: constitutional aspect. *Russian judge*, 2014, no. 4, pp. 38–41. (In Russ.)

12. Course in criminal procedure / A. A. Harutyunyan, L. V. Brusnitsyn, O. L. Vasiliev et al.; ed. by L. V. Golovko. Moscow: Statute. 2017. 1278 p. (In Russ.)

Информация об авторе

А. Р. Шарипова — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Института права Уфимского университета науки и технологий.

Information about the author

A. R. Sharipova — Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology.